

— Жаждающая... блядь... сука!

— Даааа. Используй меня сильнее! Трахай меня! Не останавливайся! Я хочу твой большой... толстый... член!

ШЛЕП! ШЛЕП! ШЛЕП!

Стоя на коленях, Кушина плотно закрывает глаза, вынужденная слушать через дверь, как Девятихвостая в образе лисички-соблазнительницы кричит в экстазе, а ее сын очень звучно вбивает ее в кровать. Куда делось время? Когда Наруто успел стать мужчиной? Это просто... это просто не имеет смысла.

Звуки шлепков плоти о плоть и грязные, влажные звуки доносятся до Кушины через дверь, заставляя ее покраснеть не меньше, чем ее волосы, и прикусить нижнюю губу. Ее руки сжимаются в кулаки, но не от злости... а для того, чтобы они больше никуда не делись. Она не должна быть здесь. Технически, ее вовсе не заставляют здесь оставаться. И все же... и все же она не может заставить себя сдвинуться с места.

— Тебе нравится мое тело, Наруто? Тебе нравится трахать меня?

Курама. Так Наруто называл Кюуби. В её сипловатом голосе прозвучали дразнящие нотки, заставившие Кушину вздрогнуть от того, что она, похоже, издевается над её сыном. Однако Наруто, не выходя из себя, лишь насмешливо фыркает и делает что-то такое, от чего Курама начинает выть. Возможно, он зажимает ее соски между пальцами и сильно дергает их. Кушина покраснела, представив себе это в воображении.

— Конечно, да. И тебе тоже.

Через деревянную дверь доносятся новые звуки, и в конце концов запыхавшаяся демоницалиса снова обретает голос.

— Спорим, тебе... тоже нравилось отчитывать свою мать, не так ли? Понравилось ли тебе, что Кушина Узумаки, мой драгоценный Джинчурики, не стала бы церемониться?

Наступает короткая пауза, а затем раздается звук пощечины. На этот раз Кушина точно определила, что Наруто шлепает Кураму по сиськам, отчего демонический лис гогочет и воркует от удовольствия.

— Ты мстительная дрянь, Курама...

— Тебе это нравится~

Кушина не может поверить, что слушает это. Более того, она не может поверить, что позволяет этому происходить. Большую часть своей ранней жизни она провела в качестве контейнера Кьюби. Она так долго была тюремщицей Девятихвостого, что когда в ночь смерти мужа впервые потеряла контроль над собой, то едва не отключилась.

Цунаде сама вернулась в деревню после того, как Хирузен умолял ее вернуться и присмотреться к Кушине и Наруто. Принцесса слизеринцев Конохи лично диагностировала у Кушины посттравматическое стрессовое расстройство и послеродовую депрессию. Она, конечно, проинструктировала ее в более мягких выражениях и сказала, что Кушина ни в чем не виновата. По правде говоря, она потеряла мужа и увидела, как Кьюби запечатывается в ее младенце-сыне, и все это в одну ночь. Вполне можно было ожидать некоторой травмы, но Кушина всегда... всегда считала себя сильнее всего этого.

В конце концов, от некоторых вещей нельзя было просто отмахнуться. Поначалу, в дни после нападения Кьюби, Кушина пребывала в растерянности, не зная, что и думать. Когда пришла Цунаде и озвучила свой диагноз, Кушина никак не отреагировала. Это лишь подтвердило то, что в ее животе медленно зарождалось чувство замирания.

В те первые дни она находилась под наблюдением. Чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Сарутоби вновь занял пост Хокаге, и Коноха находилась в состоянии повышенной готовности, чтобы никто из жителей Страны Огня не вздумал воспользоваться их слабостью. Её выживание было едва заметной сноской во всём, что происходило в то время.

Но это не значит, что оно не было... неудобным для сильных мира сего. Кушина плыла по течению, переживая, что не сможет стать достойной матерью для Наруто. В те первые дни, когда она смотрела на своего сына... она не видела в нем того, кем он был на самом деле. Она видела Кьюби. Она видела причину всех своих бед, всех своих несчастий.

Цунаде сказала ей, что она не виновата, когда Кушина призналась ей в своих чувствах во время их личных встреч. Но от этого легче не становилось. Ее пугали мысли, которые приходили ей в голову. Она боялась, что однажды причинит Наруто боль. Что она не сможет остановиться.

... И тут, когда ей казалось, что все идет к развязке и она так или иначе упадет, Кушина услышала разговор ниндзя. Пара чуунинов. Они даже не подозревали, что она их подслушивает. Они даже не подозревали, как близки они были к смерти, обсуждая ее сына и его... состояние.

Кто-то проболтался ниндзя деревни о состоянии Наруто, но не о его родословной. И Кушина слушала, как несколько чертовых сопляков унижали ее сына, говоря о Наруто, как о возрожденном Кьюби. Они говорили о нем так, словно он был виновен в гибели их друзей, товарищей и членов их семей. Как будто он, а не Кьюби внутри него, виноват во всем, что сейчас происходит в их жизни.

Кушина сорвалась прямо в тот момент. Она не стала противостоять чуунинам. Они не были

истинным... корнем проблемы. Вместо этого она пошла до конца. Возможно, ее буйство и не было столь впечатляющим и очевидным для деревни, как у Кюуби, но к тому времени, когда Красная Горячая Хабанеро закончила, ее действия привели к таким же необратимым изменениям в Конохе, как и действия Кюуби.

К тому времени, когда Кушина Узумаки добилась своего, Хирузен снова ушел в отставку, повесив шляпу и отправившись на покой. Она стала Пятым Хокаге, а Данзо Шимура, из-за которого произошла утечка информации о статусе Наруто как джинчурики, получил официальное порицание. Организация была официально объявлена несуществующей, а Данзо было приказано под страхом смерти распустить свою маленькую частную армию.

Тем временем Совет Старейшин, состоявший из Данзо и старых соратников Сарутоби, которые всегда были рядом и советовались с Третьим по всем его решениям, был окончательно распущен. Они уже были частично отодвинуты на второй план во время правления Минато, но как только Сарутоби пришлось снова надеть шляпу, все они принялись за старое. Кушину это не устраивало. Она не была такой милой, как Минато, и не собиралась терпеть, когда ею помыкают.

С тех пор Кушина использовала свою власть, чтобы добиваться изменений. Некоторые из них носили прямо-таки структурный характер: старые люди возмущенно задыхались, когда она разрушала и изменяла традиции, восходящие к временам основания Конохи. Кушину это не волновало. Они с Минато провели столько поздних ночей, обсуждая, что они сделают, что они МОГУТ сделать с его приходом на пост Хокаге.

Она закончила все их проекты, все дела, которые затеял Минато, и перешла к своим собственным. Она изменила Академию, она изменила всю систему ниндзя... и ее идеи имели такой успех, что другие деревни начали копировать ее усилия после стольких лет.

В основном все шло гладко. Однако на этом пути не обошлось без заминок. Одной из них стала резня Учихи. Кушина не могла быть везде и сразу, это она признавала... Но она могла признать, что резня Учихи не давала ей спать по ночам. Если бы Минато был жив, неужели резня так и не состоялась бы? Если бы Кушина просто убила Данзо еще тогда, когда узнала, что он слил информацию о статусе Наруто, случилось бы все так, как случилось?

Она не могла сказать. Кушина и Микото Учиха, нынешний глава клана, всегда были близки. Они были лучшими подругами еще с юности. Но муж Микото... и старейшины Учихи... нельзя было отрицать, что они начали обсуждать возможность переворота. Свергнуть саму Кушину и захватить власть в Конохе.

Микото, конечно, держали в неведении. Но... и Кушина тоже, только с другой стороны. Данзо приложил немало усилий, чтобы склонить Учиху к предательству, чтобы реализовать свои собственные планы. И вот, наконец, все свершилось. К счастью, она могла с уверенностью сказать, что ничего не вышло совсем не так, как хотел этот одноглазый ублюдок.

Во-первых, Кушина была уверена, что Данзо не собирался умирать за свои преступления

против Конохи. Во-вторых, в живых осталось больше представителей клана Учиха, чем предполагалось в его планах. После резни, когда Кушина с разъяренной Микото вскрыла последнюю скрытую базу ROOT, в тщательно хранимых записях Данзо обнаружилось все, что планировал покойный. От того, что он сделал с Учихой... до его планов в отношении нее и ее сына.

С тех самых пор, когда Минато только что погиб, а Кушина оказалась на краю пропасти, Данзо следил за ней, подглядывая за её разговорами с Цунаде. Этот ублюдок хотел признать ее непригодной для жизни матерью, чтобы не только забрать Наруто себе, но и добиться того, чтобы он стал Пятым Хокаге.

Маленькое буйство Кушины и то, что Сарутоби встал на ее сторону, лишь заставило Данзо отложить свои цели, но в действительности ничего не изменилось. Он по-прежнему намеревался использовать стенограммы её личных бесед с Цунаде, чтобы опорочить её имя перед всей деревней и настроить Коноху против неё. Он всё ещё намеревался сместить её с поста Хокаге, чтобы стать Шестым Хокаге.

Очевидно, что она увидела красный свет. Попытки Хирузена заверить Наруто в том, что он никогда бы не позволил ему попасть в руки Данзо, даже если бы ее не было... в общем, все это было несерьезно. Мало того, что благодаря махинациям Данзо и разжиганию огня Учихи были уничтожены более чем наполовину, мало того, что старшая дочь Микото Ицуки оказалась в проигрыше из-за его проделок... Но что толку от обещаний Хирузена относительно Наруто, если вспомнить всех остальных детей, которых он позволил отдать в руки Данзо?

Неужели они не имели значения только потому, что у них не было важных родителей? Неужели они не заслуживали его защиты только потому, что были сиротами или малоизвестными представителями определенных кланов? Кушина не винила Хирузена во всех преступлениях Данзо... он сам виноват в своих поступках. Но она винила Третьего Хокаге в том, что он слишком часто позволял чувствам затуманивать его рассудок. Так было с Данзо, так было и с Орочимару. А теперь посмотрите, где они оказались.

Посмотрите, где оказалась она. Кушина прикусила нижнюю губу, скорчившись на полу рядом с комнатой Наруто. Она все еще слушает, ее руки сжаты в кулаки на коленях. Она не должна... это неправильно. Это неправильно. И все же ее сердце жаждет... чего-то неопишуемого.

В комнате Курама и Наруто уже давно не разговаривали. Только звериные стоны, мычание и ворчание, да звуки, которые, конечно же, ассоциируются с грубым, грязным сексом. Но вдруг Кюуби нарушила молчание и снова заговорила своим жеманным, дразнящим голосом.

— Держу пари, ей понравилось, Наруто~.

На мгновение ответа не последовало. Однако звуки грубого, жесткого секса замедляются, пока, наконец, Наруто не произносит озадаченно.

— ... А? О ком ты говоришь?

Может, он и не понял, что Курама имеет в виду, но Кушина поняла сразу. Она застыла на месте, широко раскрыв глаза и уставившись на свои руки, дрожащие в сжатых кулаках.

— Кушина Узумаки. Мой бывший носитель. Уверен, ей нравилось, как ты ставил условия. Наверняка ей нравилось, как ты с ней разговаривал.

Снова затянувшаяся пауза, во время которой Кушина вынуждена быстро контролировать дыхание, чтобы не выдать себя. В комнате за дверью почти все звуки прекратились, и если она задыхается, то это может быть слышно и через дверь. В конце концов, Наруто все-таки ответил.

— ... Не говори глупостей, Курама. Она...

— Она одинокая вдова, Наруто. Готова поспорить, у нее не было ни одного мужчины уже полтора десятка лет, хе-хе~. А тут появляешься ты и... ну, ты – это ты.

Из комнаты доносится возмущенный и недоверчивый возглас Наруто.

— Это даже не имеет смысла!

Но самое ужасное, что смысл есть. По крайней мере... имеет смысл для Кушины. Ужасный смысл. Наруто – это... Наруто. Единственный мужчина в ее жизни. И он так похож на своего отца, что это причиняет боль. Во время их последней встречи это было еще больнее, чем когда-либо прежде.

— Это не обязательно должно иметь смысл. Все, что касается этой глупой сучки, никогда не имело смысла. Ты забываешь, что до того, как я была с тобой, я была с ней. Я знаю, как она думает. И я знаю ее тип. Блондинка. Голубоглазая. И... хаа!

Кушина вздрагивает, когда Курама внезапно задыхается... как будто рука обхватывает ее горло. Когда Наруто заговорил снова, его тон был низким и смертоносным... почти опасным.

— Я готов позволить тебе много веревок, Курама... но, пожалуйста, прекрати говорить о ней в таком тоне.

Несмотря на вежливость его слов, голос дает понять, что он не собирается шутить. Кушина не может сдержать дрожь, пробежавшую по позвоночнику, и хныканье, сорвавшееся с ее губ. Проходит еще одно мгновение тишины, в течение которого Кушина воображает, что Курама кивает в знак понимания, потому что, как только оно прошло, демон-лиса снова заговорила.

— Конечно, Наруто. И все же я думаю, что она согласилась бы со мной. Если бы она была сейчас здесь. Если бы она слушала. Она бы согласилась~

— Просто... перестань говорить. Я собираюсь трахнуть тебя сейчас. И я не остановлюсь, пока твои глаза не закатятся обратно в голову, а язык не высунется изо рта, мстительная сучка.

После этого звук плоти о плоть снова быстро нарастает, когда Наруто претворяет свои слова в жизнь. Курама вопит от удовольствия, когда сын Кушины начинает трахать лисичку до комы наслаждения. Однако сама Кушина застыла на месте. Застыла от ужаса.

Из-за последних слов Курамы она не может пошевелиться. Невозможно дышать. Потому что они сопровождаются осознанием. Прозрением, если хотите. Курама... Курама не дразнила Наруто все это время, неправда. Вернее, она не говорила то, что говорила, только для того, чтобы подразнить Наруто.

<http://tl.rulate.ru/book/93426/3153180>